

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО.

Статья моя о трезвости, напечатанная въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ № 8 текущаго года, и перепечатанная въ № 34 „Церковныхъ Вѣдомостей“ вызвала обширную, постоянно разрастающуюся переписку. Пишутъ ко мнѣ, изъ всѣхъ краевъ Россіи, люди всѣхъ возрастовъ и званій, люди всѣхъ степеней умственнаго развитія, начиная отъ высокообразованныхъ лицъ, озабоченныхъ подъемомъ нравственности въ нашемъ простомъ народѣ, и кончая полуграмотными горемыками, одержимыми всѣми степенями *delirium tremens*.

Благодареніе Богу! Въ числѣ моихъ корреспондентовъ—множество священниковъ, не только отнесшихся сочувственно къ моимъ попыткамъ въ борьбѣ съ пьянствомъ, но уже занятыхъ устройствомъ въ своихъ приходахъ обществъ трезвости, первыми членами коихъ являются они сами, безусловно отказавшись отъ употребленія спиртныхъ напитковъ.

Нельзя достаточно благодарить этихъ священниковъ, нельзя цѣнить достаточно высоко этотъ скромный подвигъ любви христіанской, для нихъ лично ненужный, быть можетъ, тягостный, во всякомъ случаѣ неудобный,—но дающій мѣрку ихъ пастырской ревности, но служащій залогомъ плодотворности и прочности предпринятаго ими труда. Да благословитъ Господь ихъ доброе начинаніе, да продлитъ ихъ дни и умножитъ ихъ число!

Само собою разумѣется, что перепискою съ этими истинными пастырями я дорожу чрезвычайно и отъ души желаю ея продолженія и расширенія. Но тяжкій недугъ, но сложныя школьныя заботы, но массы получаемыхъ мною писемъ не позволяютъ мнѣ отвѣчать каждому изъ нихъ съ тою обстоятельностью и подробностью, коихъ требуетъ и важность дѣла, и искреннее мое желаніе оказать посильную помощь каждому изъ нихъ. Не въ замѣнъ личной переписки, а для облегченія, уясненія и дополненія ея—рѣшаюсь я напечатать эти строки.

Прежде всего, надлежитъ мнѣ восполнить

существенный пробѣлъ, допущенный мною въ первомъ моемъ указаніи на способы борьбы съ пьянствомъ—пробѣлъ, неизбежный въ статьѣ, написанной для журнала свѣтскаго и обращенной къ читателямъ—мірянамъ.

Въ Татевскомъ обществѣ трезвости, во главѣ коего стоитъ мірянинъ, присоединеніе происходитъ посредствомъ внутренняго обѣта, ознаменованнаго служеніемъ молебна и цѣлованіемъ иконы.

Но тамъ, гдѣ во главѣ общества стоитъ священникъ, несравненно естественнѣе и желательнѣе—присоединеніе посредствомъ устнаго обѣта, даннаго на исповѣди.

Полагаю, что въ этомъ согласится со мною, безъ дальнѣйшихъ разъясненій, всякій священникъ. Но я счелъ долгомъ упомянуть объ этомъ способѣ присоединенія новыхъ членовъ къ обществамъ трезвости потому, что онъ съ успѣхомъ практикуется нѣкоторыми изъ моихъ сотрудниковъ—священниковъ и что въ этомъ дѣлѣ нельзя быть достаточно осторожнымъ. Только исповѣдь даетъ полную возможность рѣшить, можетъ ли данное лицо быть допущено къ принесенію обѣта, только исповѣдь придаетъ этому обѣту полное освященіе церковное. Такое обѣщаніе, молитвенно подготовленное говѣніемъ, запечатлѣнное святостію таинства, несомнѣнно укрѣпляетъ волю дѣйствительнѣе, чѣмъ всякое другое. Изъ него прямо вытекаетъ, въ случаѣ нарушенія обѣта, обязанность церковнаго покаянія, а для священника—возможность и право наложить епитимію.

Но и при этомъ способѣ присоединенія къ обществамъ трезвости, священники, придерживающіеся его, нашли полезнымъ и нужнымъ сохранить обрядъ особаго молебна съ цѣлованіемъ иконы. Огражденію отъ искушеній способствуетъ и это церковно-молитвенное ознаменованіе вступленія въ союзъ. Кромѣ того, оно подаетъ добрый примѣръ, располагающій равнодушныхъ и колеблющихся къ размышленію, къ принятію твердаго рѣшенія.

Въ нѣкоторыхъ приходахъ принято — и это обычай добрый — благословлять всякаго вновь присоединяющагося члена иконою того святаго, коему служится молебень при этомъ присоединеніи. На оборотѣ этой иконы записывается число, въ которое данъ срочный обѣтъ воздержанія. Одинъ изъ знакомыхъ мнѣ священниковъ кромѣ того пишетъ на этомъ оборотѣ какой либо текстъ Священнаго Писанія, имѣющій отношеніе къ трезвости, или соотвѣтствующій личнымъ духовнымъ нуждамъ присоединяющагося *). Людямъ грамотнымъ, сверхъ того, раздаются „Троицкіе Листки“ (№№ 8, 70, 150, 454, 465, къ коимъ недавно присоединился прекрасный листокъ № 492).

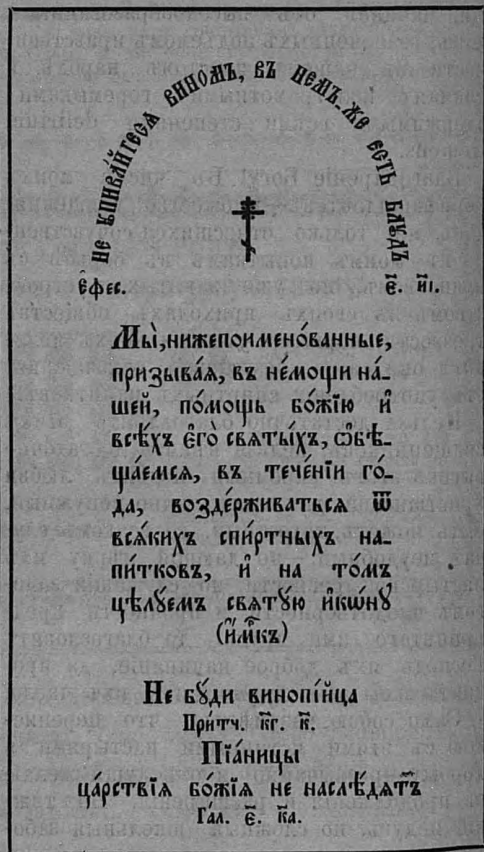
Эта раздача иконъ и листковъ, конечно, сопряжена съ небольшими издержками. Но полагаю, что изъ за нихъ не стоитъ осложнять дѣла какимъ либо денежнымъ сборомъ съ членовъ общества. Во многихъ приходахъ найдутся добрые люди, для коихъ нестѣснительно истратитъ на этотъ предметъ нѣсколько десятковъ рублей. Найдутся и благодѣтели отдаленные, коимъ я бы съ удовольствіемъ сообщилъ не только адреса тѣхъ приходовъ, которые нуждаются въ ихъ помощи, но и всѣ желательныя для нихъ свѣдѣнія о союзахъ трезвости, возникшихъ въ этихъ приходахъ. Боюсь только, что эти послѣднія мои слова по адресу не дойдутъ. „Церковныя Вѣдомости“ мало читаются мірянами. Но, быть можетъ, какая либо свѣтская газета найдетъ возможнымъ перепечатать эти строки. Радость, доставляемая этими иконами, этими листками, раздаваемыми по этому поводу, такъ велика, что мнѣ хотѣлось бы доставить и людямъ, мнѣ незнакомымъ, случай даровать эту радость. Желательно и прилично, чтобы это благословеніе было даромъ любви людей просвѣщенныхъ и богатыхъ людямъ бѣднымъ и темнымъ, а не зависѣло бы отъ кропотливаго сбора

*) Прекрасныя иконы малаго формата, вполне пригодныя для такой раздачи, можно получить въ Сергіевой лаврѣ, въ редакціи „Троицкихъ Листковъ“. Цѣна имъ на бумагѣ — 2 коп., на деревѣ или на картонѣ — 10 коп. При выпискѣ сотнями дѣлается уступка. Для надписей на оборотѣ удобны только иконы на деревѣ. Изготовлены уже иконы Нерукотвореннаго Спаса, явленій Божіей Матери, Казанской, Иверской, Черниговской, преподобнаго Сергія, Николая Чудотворца, двѣнадцати праздниковъ; число ихъ постоянно будетъ увеличиваться.

мелкихъ денежныхъ взносовъ. Лучшаго подарка не можетъ быть сдѣлано священникамъ бѣдныхъ приходовъ, трудящимся надъ распространеніемъ трезвости.

Имена лицъ, давшихъ обѣтъ воздержанія, вносятся въ „Книгу Трезвости“ хранящуюся при церкви. Такія „книги трезвости“ большаго формата, въ шагреневомъ переплетѣ съ вытисненнымъ на немъ золотымъ крестомъ и надписью: „Книга Трезвости такой-то церкви“, прекрасно изготовляются въ „Русскомъ книжномъ магазинѣ“ въ Петербургѣ (Невскій просп. № 108)—за 3 р. 50 к.

Вотъ снимокъ съ заголовнаго листа „Книги Трезвости“ Татевской церкви.

Само собою разумѣется, что формула обѣщанія и выборъ текстовъ могутъ быть видоизмѣнены и улучшены.

Слѣдуютъ имена членовъ. Большинство изъ нихъ даетъ обѣтъ воздержанія на одинъ годъ, и лишь при именахъ тѣхъ изъ нихъ, которые дали обѣщаніе на

срокъ болѣе долгій, срокъ этотъ оти́чается. По прошествіи года, имена членовъ, возобновившихъ свое общаніе, подчеркиваются, и это можетъ, безъ всякаго неудобства, быть повторено въ теченіи трехъ, четырехъ лѣтъ, послѣ чего, конечно, потребуются составленіе новаго списка.

Касаюсь этихъ мелочей, потому что и о нихъ ко мнѣ обращаются съ письменными запросами. Но важнѣе запросы, касающіеся изъятій, допустимыхъ изъ общаго правила—абсолютнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ.

Татевское общество дозволяетъ своимъ членамъ употребленіе домашней браги, приготовляемой крестьянами къ праздни-камъ. Напитокъ этотъ, содержащій лишь слѣды алкоголя и употребляемый лишь изрѣдка, кажется намъ безвреднымъ. Почтенный о. Наумовичъ, на основаніи своего долготѣнаго опыта, настоятельно рекомендуетъ членамъ общества трезвости употребленіе *домашняго* меда. Прекрасный этотъ напитокъ, къ сожалѣнію, у насъ неизвѣстенъ. Медъ же, продаваемый въ нашихъ кабакахъ, не внушаетъ мнѣ ни малѣйшаго довѣрія. Нѣкоторые изъ моихъ южно-русскихъ корреспондентовъ идутъ далѣе. Они считаютъ допустимымъ употребленіе винограднаго вина собственнаго приготовленія. Это уже кажется мнѣ весьма опаснымъ. Провести границу между употребленіемъ вина домашняго и покупнаго едва ли возможно. Во всякомъ случаѣ, окончательное рѣшеніе этого вопроса должно быть предоставлено дѣятелямъ мѣстнымъ, ибо зависитъ прежде всего отъ качества и обилія мѣстныхъ винъ.

За то, по крайнему моему разумѣнію, должно быть допущено повсюду изъятіе иного рода. Должно быть разрѣшено употребленіе вина въ случаѣ болѣзни, но не иначе, какъ *по предписанію врача*. Послѣдняя оговорка необходима, ибо многіе знахари и бабки заставляютъ своихъ паціентовъ выпивать такіа количества водки, которая прямо ведутъ къ опьяненію, самопроизвольное же лѣченіе собственннхъ недуговъ виномъ въ большинствѣ случаевъ—худшій изъ самообмановъ.

Далѣе. Безпрепятно предлагается мнѣ вопросъ: можетъ ли быть разрѣшено членамъ общества трезвости держать у себя вино, потчивать имъ гостей? Вопросъ этотъ, въ Татевскомъ обществѣ трезвости, разрѣшается въ смыслѣ положитель-

номъ. Укоренившійся обычай, малый процентъ людей абсолютно трезвыхъ среди пьющаго большинства, сдѣлали бы положеніе членовъ возникающихъ обществъ трезвости невыносимымъ, если бы на нихъ была возложена теперь же эта добавочная тягость. На практикѣ, въ домѣ хозяина, абсолютно трезваго, никогда не можетъ произойти безобразной попойки. Гости его чувствуютъ, что угощеніе виномъ съ его стороны есть уступка, и лишняго требовать не стануть. Невозможность же поднести рюмку водки гостю уважаемому, старшему лѣтами, высшему званіемъ, наприимѣръ лицу духовному, можетъ поставить домохозяина въ самое тягостное и ложное положеніе. Не лучше ли предоставить будущему осуществленіе всѣхъ логическихъ послѣдствій начала безусловной трезвости и пока довольствоваться личною трезвостью членовъ нашихъ обществъ и несомнѣннымъ нравственнымъ вліяніемъ ихъ примѣра на окружающую среду? Впрочемъ, я всегда готовъ отказаться отъ этого взгляда, если практика докажетъ возможность противоположнаго рѣшенія вопроса, тѣмъ болѣе что самъ лично, живя въ школѣ, имѣю полную возможность никого никогда не потчивать виномъ, и этою возможностью пользуюсь *ad hoc* уже цѣлые семь лѣтъ.

Вотъ главные пункты, относительно коихъ мнѣ предлагаются безпрепятные запросы. Коснусь еще одного, значеніе коего болѣе существенно и важно, хотя онъ до сихъ поръ не былъ затронутъ моими корреспондентами.

Церковнымъ союзамъ, нынѣ у насъ возникающимъ для борьбы противъ пьянства, усвоено готовое названіе „обществъ трезвости“. Но нельзя не признать, что эти наши союзы имѣютъ мало общаго съ тѣмъ, что подъ этимъ именемъ разумѣтся на западѣ. Съ названіемъ „обществъ трезвости“ мы, по естественному сочетанію мыслей, привыкли соединять представленіе о кругѣ дѣйствій обширномъ, о шумной агитаціи, о многочисленныхъ митингахъ, о журнальной рекламѣ, о внушительныхъ демонстраціяхъ, о нѣкоторомъ давленіи на общественное мнѣніе и, черезъ его посредство,—на законодательную инициативу. Но все это—не въ духѣ русскаго народа, все это—чуждо преданіямъ нашей церкви. Все это, на русской почвѣ, было бы фальшиво и бесплодно.

Нашъ путь—иной. Не быстрое увлеченіе массъ, а внутреннее возрожденіе личностей—дѣль нашихъ усилій. Поэтому *нашимъ* обществу трезвости должны быть ограничены кругомъ личнаго взаимнаго воздѣйствія ихъ членовъ, должны быть прочно связаны съ существующею въ Россіи нравственною единицею,—съ приходомъ. Не отвлеченное единеніе лицъ, разбросанныхъ по всему нашему отечеству, нужно намъ для достиженія нашей цѣли, а просвѣтленіе, одухотвореніе связей существующихъ, обусловленныхъ жизнію въ одной мѣстности, безпрестанными житейскими сношеніями, запечатлѣнныхъ давностію и преданіемъ. Не механическая помощь всероссійскихъ подписокъ нужна намъ, но живая взаимная братская помощь людей живущихъ бокъ о бокъ, ежедневно выдающихся.

А съ братьями дальними—будемъ перекидываться словами любви и привѣта. Слова эти будутъ тѣмъ живительнѣе, тѣмъ вѣсче, чѣмъ болѣе сосредоточимъ мы наши силы на дѣлѣ мѣстномъ, на дѣлѣ ближайшемъ. Будемъ прибѣгать и къ печати, въ случаѣ нужды, какъ я, въ настоящемъ письмѣ... Но не могу я радоваться тому, что для общенія съ далекими братьями я прибѣгнулъ, прежде всего, къ до-гуттенберговскому способу личной переписки. Я узналъ о вещахъ, о которыхъ никогда не узналъ-бы я изъ газетъ и журналовъ. Я узналъ людей, сношенія съ коими считаю величайшимъ для себя счастьемъ. Тягостно подчасъ становится отвѣчать на массу получаемыхъ писемъ. Но этотъ трудъ вознагражденъ сторицею.

Переписка эта все болѣе и болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, что если пьянство уничтожить мы не въ силахъ, мы въ силахъ разительно ограничить его, низвести его, въ сознаніи массъ и въ житейской

практикѣ, со степени какого-то чудовищнаго учрежденія, со степени обязательнаго слугника всѣхъ отпавленій жизни частной и общественной—на подобающую ему степень постыднаго исключенія. И достигнуто это можетъ быть только избраннѣмъ нами путемъ, дружной работою пастырей церкви и вѣрующихъ мірянъ въ кругахъ дѣйствія ограниченныхъ, исполнѣ опредѣленныхъ, исполнѣ доступныхъ личному воздѣйствію руководителей, исполнѣ допускающихъ постоянное взаимнодѣйствіе руководимыхъ. Только тутъ, въ этихъ скромныхъ кругахъ дѣйствія, братская любовь можетъ воплотиться въ истинно жизненное дѣло, терпѣливое и медлительное, но непрерывное, но плодотворное и прочное...

Приходитъ мнѣ на мысль, что наши скромные союзы умѣстнѣе было-бы называть не „обществами трезвости“, а „братствами“. Слово это освящено исторіею нашей церкви, и лучше выражаетъ сущность этихъ союзовъ. Но—„братство трезвости“ звучитъ некрасиво. Впрочемъ, народъ сталъ бы говорить: „трезвое братство“, какъ говоритъ: „трезвое общество“. Возможно также названіе „дружина трезвости“, но слово: „дружина“ имѣетъ отгнѣнокъ мірской и воинственной...

Конечно, дѣло не въ названіи; упомянулъ я о немъ только изъ любви къ дѣлу, изъ желанія выразить его внутреннюю красоту.

Эту-то красоту внутреннюю надлежитъ намъ оберегать и блюсти отъ всякой нечистой примѣси, отъ всякаго лицемерія и лжи. Въ томъ да поможетъ всѣмъ намъ Богъ!

С. Рачинскій.

Татеево, 9 ноября
1889 г.

Приложеніе къ журналу „Церковныя Вѣдомости“, издаваемому при Святѣйшемъ Синодѣ, № 50, 1889 г.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 8 декабря 1889 г. Каедральный Протоіерей Петръ Смирновъ.